

Михаил Соколов

Новые правые интеллектуалы в современной России

В первой части доклада я буду говорить собственно о «новых правых», во второй части я поделюсь соображениями по поводу движений, которые существуют в социологии, а в третьей я поделюсь своим анализом тех факторов, которые обеспечили некоторый успех «новых правых» в России.

Что такое «новые правые интеллектуалы», про которых я сейчас собираюсь рассказывать? После того, как появился термин «новые левые», термин «новые правые» напрашивался сам собой. В разное время возникли, по крайней мере, три политических движения, которые им пользовались для своего обозначения. Были новые правые неолибералы во главе с Тэтчер и Рейганом – о них я не скажу сегодня совершенно ничего. Существовали и существуют новые правые партии – такие как Социал-демократическая партия Германии или Национальный фронт во Франции во главе с Ле Пенем, которые, судя по их программе, являются типичными правыми популистами. Они – за демократические институты, за участие простого человека, но при этом главная мысль, на которой они строят свою политическую деятельность – это необходимость противостоять иммиграции из стран третьего мира и существенно ограничить права гражданства для всех, кроме коренных обитателей той или иной страны.

И, наконец, новыми правыми являются представители течения, основой которого является традиционализм – философская, или, скорее, метафизическая теория, восходящая к французскому мистика Рене Генону и итальянскому мистика, публицисту и художнику Юлиусу Эволе. Центральным положением этой теории было то, что людям в архаичных обществах был доступен некий духовный опыт, который в современных обществах более не существует, или, по крайней мере, доступ к которому очень сильно ограничен. Институты современного общества – рынок, политическая демократия, глобализация – все, что с нами происходит, и то, чем мы живем, формирует такую субъективность, в которой этому опыту просто нет места. Этот опыт признается традиционалистами чем-то исключительно ценным, и они хотели бы изменить общество таким образом, чтобы он вновь стал распространенным. С их точки зрения этот духовный опыт возможен только тогда, когда в обществе есть жесткая иерархия, более или менее фиксированная религиозная традиция, и когда не происходит никакого смешения культур, а традиция существует в большей или меньшей чистоте.

Более спорный момент, также разделяемый всеми новыми правыми, но менее распространенный, – это теория исторических циклов, позаимствованная у индуизма и утверждающая, что общество движется не по спирали, как учит нас марксистско-ленинская теория, а, наоборот, по кругу. Сначала происходит «золотой век», потом серебряный, потом медный или бронзовый и, наконец, железный, и живем мы в самом конце Кали-Юги – железного века и вскоре мы переживем возврат к первым идеальным временам традиции. Процесс, в ходе которого мы должны вернуться в это идеальное состояние – это консервативная революция. Для традиционалистов центральная идея состоит в том, что попасть обратно в «золотой век» нужно, двигаясь не назад, а вперед, усиливая те тенденции, которые мы видим в современном мире до их предела, так, чтобы

как можно быстрее миновать последние фазы исторического цикла и попасть сразу в прошлое.

В связи с этим возникают те черты новых правых, которые отличают их от более традиционных консервативных интеллектуалов. Прежде всего, новые правые никогда не пытаются отвергать какие-то последние тенденции в искусстве или в науке, а наоборот представляют себя их авангардом. Они утверждают, что они инкорпорируют все то лучшее, что делалось в XX веке, двигаются на шаг вперед, и этот шаг вперед приводит их назад в «золотой век». В связи с этим их отношение с институтом культурного производства очень необычно для правых партий и движений вообще.

Несмотря на то, что те люди, которых традиционалисты провозглашают своими апостолами, жили в первой половине XX века, в современном виде это движение возникает во Франции в 60-е годы. Первым «новым правым» был, да, собственно, и остается Аллен де Бенуа и его коллеги, которые в начале 1968 года заявили о создании собственной группы, издавали свои журналы и на некоторое время стали довольно значительной силой во французском интеллектуальном обществе. Затем они нашли довольно много сторонников в Бельгии и в Германии, причем в Германии новые правые развернулись уже в 70-е годы. Длина периода их популярности и там и там составляла около десятилетия. В 70-е годы во Франции, а в 80-е - в Германии «новые правые» приходят в упадок, причем если вначале их отвергали, но слушали в какой-то момент, то потом уже и не слушали. Ни в Великобритании, ни в Соединенных Штатах «новые правые» этой разновидности никогда не пользовались сколько-нибудь значительной популярностью.

После того, как это движение в Западной Европе пришло, казалось бы, в полный упадок, оно получает неожиданное продолжение в Восточной Европе и, в особенности, в России. И здесь, как мне кажется, оно добивается еще большей популярности, чем где бы то ни было еще в мире. Генон проник в Россию еще в 20-е годы. Тогда сюда попали несколько его книжек. Потом про них успешно забывают, они остаются где-то в спецхранах, и снова его начинают читать в 60-е. Его начинают читать представители группы, которая фигурирует иногда как «южинская богема». Название произошло оттого, что они встречались где-то в Южинском переулке и возглавляли ее Юрий Мамлеев и Евгений Головин.

Мамлеев был безусловным лидером на первом этапе. Тогда Генон читался наравне с западной готической прозой. Члены этой группы много читали друг другу вслух, переводили вместе Майринка и Лавкрафта. В общем, это был типичный эзотерический богемный андеграунд, который в Южинском переулке предавался всевозможным излишествам, участвовал в живописных оргиях, про которые очень интересно читать, и, что закономерно, быстро стал объектом КГБ. Мамлеев эмигрировал и сделал себе имя на западе в качестве автора черной прозы. Головин остался, и для того, чтобы выжить, вынужден был уйти в гораздо более глубокую конспирацию, чем вначале. За ним последовали его самые преданные ученики, из них он организовал группу, которая называлась «Черный орден СС». Интерес к СС, как я понимаю, у них был чисто сатанинский. При этом «южинцы» не делали никаких политических заявлений, а практиковали странные мистические ритуалы. Если их действительно Гиммлер интересовал, то только в связи с Аненербе и другими разработками оккультного порядка.

Но среди учеников, которые последовали за Головиным в подполье, были два очень энергичных молодых человека, которые не были лишены политических амбиций – Александр Дугин и Гейдар Джемаль. В 80-х, когда начинается перестройка, они примыкают к фронту «Память». Некоторое время тесно общаются с Васильевым, но очень быстро с ним ссорятся. С одной стороны, они выгодно отличаются своими познаниями в оккультизме, мистике и тайных ритуалах СС. С другой стороны, они явно опасны Васильеву, потому что у них есть собственные амбиции, и на их фоне все остальные выглядят не так убедительно.

Итак, Дугин и Джемаль ссорятся с «Памятью», выходят из нее и каждый начинает свою карьеру. Дугин в начале 90-х предлагает свои услуги всем более или менее крупным политическим оппозиционным группировкам: он заигрывает с КПРФ, он заигрывает с РКРП, он пытается о чем-то договориться с Баркашовым (РНЕ) и нигде не достигает никакого успеха. Первая организация, где он занимает желанное место официального идеолога, - это Национал-большевистская партия, где он был соучредителем. Там он пробыл первые четыре года в качестве сопредседателя - до 98 года, после чего вышел оттуда со скандалом. Потом он по-прежнему искал себе место идеолога, но совсем в других организациях. Теперь он некоторое время выступает консультантом лево-демократического движения «Россия», которое возглавляет Селезнев, читает лекции в Генеральном штабе. Дугин много пытается договориться с движением «Родина», не получается, и тогда он обвиняет «Родину» в фашизме и расизме – новая тема в его политическом творчестве. Теперь он таков, каким вы его видите, вероятно, в телевизоре – это одна из популярных «говорящих голов». Он не связан ни с какой из крупных политических партий, у него есть своя политическая партия «Евразия», которая получает почти нулевые результаты на выборах, но в которой он, безусловно, является самым важным авторитетом.

Джемаль имел дело с фундаменталистскими исламистскими группировками. Его политическая карьера была еще сложнее. Он, как и Дугин, со временем превратился в подобие специи, которые можно подсыпать в телевизионное шоу, поскольку он говорит какие-то экзотические вещи. Его репутация напоминает репутацию Жириновского: его слушают, но вряд ли к нему прислушиваются.

Тем временем, пока Дугин делал свою нелегкую карьеру, возникли другие группы, которые также ориентировались на исходный традиционализм, утверждали, что они понимают его верно, а Дугин понимает его неверно. Одна из этих групп – журнал «Волшебная гора» и ассоциированное с ним издание «Философская газета», которую издают Артур Медведев и Мария Мамыка в Москве. Вокруг них есть целый ряд авторов, которые позиционируют себя как чистые генонисты, как исследователи творчества Генона, которые выше политики. Они выражают свою приверженность традиционному курсу, они не любят вестернизм, они не любят неолиберализм, они не любят Путина, но это никогда не появляется в их изданиях, поскольку они утверждают, что они исследователи, а не публицисты. С точки зрения традиционалистской теории это положение вполне обосновано, потому что мэтры и отцы-основатели «новых правых» были почти исключительно идейно аполитичны. Генон никогда не высказывался о политике вообще, после того как на него снизошло озарение. Эвола был фашистом, членом фашистской партии, активно содействовал Муссолини, но поскольку фашизм разгромили, он заявил, что в современном мире политика невозможна, а революция должна быть внутри, и главное для «нового правого» – это никак не быть связанным с партиями и уж, во всяком случае, не голосовать.

Люди типа Алена де Бенуа, ортодоксалы, тоже старались держаться достаточно далеко от политики. В этом смысле «Волшебная гора» наследовала их позицию, хотя непосредственно в кружке этих авторов были фигуры, которые довольно тесно связаны с воинственными группировками. Например, Виктория Ванюшкина – один из самых интересных людей на правой сцене и едва ли не единственная женщина во всех праворадикальных кругах, непосредственно дружащая со скинхедами, очень любопытный персонаж.

Второй группой оппозиционеров Дугина внутри «новых правых» был журнал «Иначе», который издает петрозаводский журналист Вадим Штепа, с ним часто сотрудничает философ Сергей Корнев. Они отличны тем, что, если Дугин в какой-то момент заявил о своей безоговорочной радикальной поддержке Путина, «Волшебная гора» осталась в стороне, то «Иначе» занимает диаметрально противоположную позицию в политическом спектре. Штепа энергично поддержал «оранжевую революцию» и

фигурирует на своем сайте в оранжевом шарфе. Он считает, что главная проблема России – это авторитаризм Москвы, а главное, за что надо бороться – это автономия регионов. Несмотря на то, что он оперирует теми же самыми текстами Генона, он доказывает с их помощью политически совершенно диаметрально противоположные вещи. Политический курс можно описать как автономистский левый: больше автономии, больше самоуправления, всю свободу людям искусства, долой московский азиатский авторитаризм. Штепа, помимо всего прочего, связан с группами северо-западных сепаратистов, типа Широпаева, которые говорят, что самое правильное, что может случиться – северо-запад отделится от России, восстановит Новгородскую Русь и вольется в Европу. Опять же для Дугина с его евразийскими идеями это квинтэссенция политического зла.

И «Волшебная гора», и «Иначе» признают друг друга в качестве «новых правых», несмотря на все политическое расхождение. Дугин не признает никого из них, но он не признает всех «новых правых», кроме самого себя и нескольких старых южинских друзей. В частности, он поссорился со своими наиболее способными лояльными учениками – Олегом Фоминым и Аркадием Малером.

Несмотря на эту сложную запутанную внутреннюю историю, надо сказать, что «новые правые» достигли большей популярности в России, чем где бы то ни было, за возможным исключением Италии. Они постоянно фигурируют в телевизионных передачах, увидеть там Дугина едва ли не проще, чем какого-то другого политического комментатора. Их книжки приносят прибыль, в отличие от классики либералов или классики левых, которые обычно издаются на деньги западных фондов. Дугин получает какие-то доходы от гонораров от издания, что для интеллектуальной прозы является почти невероятным результатом. Наконец, какие-то представления о том, чего они достигли, можно получить с помощью очень грубой процедуры анализа содержания сети.

Если ввести поисковые слова и посчитать количество упоминаний, мы увидим, насколько чаще в Рунете всплывают персонажи, которых мы ассоциируем с «новыми правыми», чем какие-то другие интеллектуальные фигуры. Например, русский язык: Эвола – 11600 упоминаний, Генон – 15300, Карл Поппер – 42600, Мишель Фуко – 110000. Английский язык: Эвола – 108000, Генон – 112000, Поппер – 22,5 миллиона (в 25 раз больше), Фуко – тоже 22,5 миллиона (тоже в 25 раз больше). Французский язык дает более высокие результаты по Генону, у которого почти 100000 ссылок, но при этом у Эволы меньше 1000, Фуко – 700000, Поппер – около 150000. В немецком языке картина примерно та же. Там значительно менее популярен Генон и более популярен Эвола, но оба они примерно в 20 раз менее популярны, чем Фуко, тем более – Хабермас, Гидденс и другие похожие интеллектуалы. Похожие цифры получаются, как ни странно, в Италии. Существуют таблица и карта, которые представляют это движение.

Что мы можем сказать о причинах успеха новых правых в России? На первый взгляд, это довольно простое исследование, поскольку сами «новые правые» – это открытое поле. Они открыты для контактов, с ними можно завязать знакомства, им можно послать свой текст и получить его назад с пометками. То есть, нет никаких проблем с доступом, которые обычно возникают, когда имеешь дело с группировками, считающими себя радикальными. Основные сложности, которые возникают – это сложности в интерпретации. Я бы сказал, что они основаны на свойствах политической теории - того, что теория может сказать о развитии интеллектуального движения.

Основные подходы, которые существуют – это макроподход и мегаподход. Макроподход – это суждения, которые выводят развитие интеллектуального течения из каких-то более общих движений, настроений, изменений в общественном представлении, которые мы можем сейчас наблюдать. Например, мы можем сказать, и можем попробовать объяснить распространение новых правых общим распространением национализма или, более узко, антиамериканизмом. На первый взгляд, это объяснение убедительно, но оно не дает очень многого. В конце концов, есть несколько десятков

интеллектуальных движений, которые в той или иной степени преимущественно антиамериканские. Объяснить, почему в этом контексте они называют себя «новые правые» - само по себе очень интересная задача. Нельзя объяснить очень маленькую вещь очень большой. «Новые правые» – это движение, которое состоит из нескольких десятков публицистов и, наверное, нескольких тысяч их постоянных читателей, а может быть и нескольких сотен. Объяснить нечто маленькое какими-то глобальными сдвигами в общественных настроениях – довольно рискованный трюк.

Есть несколько попыток внести уточнения в такую макросхему. Например, мы можем сказать, что обычные правые движения испытывают острый недостаток органических интеллектуалов в своей среде. Поэтому они набирают какое-то количество наемников, и этими наемниками являются «новые правые». Они идеологически обслуживают те группы, у которых нет своих собственных идеологов. Но, как ни странно, это объяснение тоже неправильно. Потому что, если мы посмотрим на историю новых правых, то увидим, что у них были постоянные конфликты, и они никогда не могли найти общего языка с другими правыми партиями, правыми движениями. Аллен де Бенуа никогда не договаривался с Национальным фронтом, некоторые из его бывших учеников и нынешних конкурентов, типа Ивана Бло вступили в Национальный фронт и консультировали там, но их положение никогда не было стабильным. В России мы видим, что Дугин постоянно пытался найти союз с какими-то партиями, и у него это так и не получилось – он состоит стабильно только в той организации, которую сам создал. Почти нигде стабильных альянсов между новыми правыми интеллектуалами и правыми партиями мы не находим.

Второе объяснение состоит в том, что «новые правые» - это реакция на «новых левых». Это реакция внутри самой группы интеллектуалов на собственное интеллектуальное течение. «Новые левые» возникли в конце 60-х, и вскоре возникли «новые правые». То же самое мы видим в Германии. Распространение «новых правых» приходится на десятилетие студенческих революций, когда происходят студенческие беспорядки и все остальные живописные события, о которых очень интересно вспоминать и рассказывать. Как ни странно, это объяснение тоже не срабатывает и не срабатывает оно в связи с Россией. Мы видим тут «новых правых», которые энергичны и сильны. Но мы не видим тут «новых левых», которые бы им предшествовали, «новых левых», которым бы они наследовали – вообще никаких «новых левых» мы тут не видим. В этом смысле утверждать, как это делают некоторые специалисты, что правые – это реакция на уровне ценностей на вызов, брошенный «новыми левыми», видимо, не получается.

Помимо этих макроподходов, которые стараются объяснить распространение «новой правой» идеологии большими вещами, важными процессами, которые происходят в обществе в целом, мы видим какое-то количество мезоподходов, стремящихся интерпретировать динамику развития интеллектуальной школы. Такие формы анализа могут принести довольно много, но из них пропадает возможность самого интересного – у них полностью пропадает содержание, специфика «новой правой» доктрины. Мы можем обнаружить какие-то закономерности их динамики, которые роднят их с научными школами, с анализами, которыми в социологии занимался Муленс. И, в некотором роде, прогнозы по поводу будущего «новых правых» делаются как раз на основании формальных закономерностей: распространение лидерства в движении, возможность транслировать модель работы на будущее поколение и так далее и тому подобное. Но, к сожалению, здесь «новые правые» попадают в широкий класс интеллектуальных движений «вообще» и не отличаются от социологических школ, что вряд ли способно удовлетворить наше любопытство.

Было много попыток синтезировать каким-то образом эти два уровня. Самая известная из них принадлежит Бурдье, и она, несмотря на все свои преимущества, также вряд ли может считаться вполне успешной, поскольку в схеме, которую предложил

Бурдые в конечном счете мы получаем слишком мало классов, слишком мало категорий, в которые эти организации можно каким-то образом вписать.

Если мы попробуем классифицировать публичную сферу на основании типичной схемы Бурдые, то увидим там радикальные движения, которые выступают от имени обладателей высокого капитала с преобладанием экономического над культурным или культурного над экономическим. Но, в любом случае, это даст нам всего четыре квадранта. В публичной сфере действуют десятки интеллектуальных движений, возможно даже сотни. Те же самые «новые правые» постоянно конкурируют с цивилизационными теоретиками, которые в основном вдохновляются Хантингтоном. С теоретиками этногенеза, которые в основном читают Гумилева, и со множеством других группировок – с православными фундаменталистами, например. И объяснить все их многообразие, сведя к какой-то такой простой схеме типа той, которую предлагает Бурдые, именно в данном случае, видимо не возможно.

Наконец, существует третий – чисто эклектический - подход, который предполагает, что можно выдернуть разные объяснительные конструкции из разных теорий и за счет их пересечения (ни одна из них не объясняет всего), их сумма, может быть, объяснит специфику новых правых. Такая стратегия использовалась, если брать социологов, Мишелем Ламоном в анализе по распространению структурализма в Америке. Ей я стремился следовать. Теоретически это подход откровенно ущербный, потому что гибридный, но, возможно, с чисто эмпирической точки зрения он удовлетворительнее, чем любой другой. Это общее замечание по поводу положения в социальных науках.

А теперь я попробую перейти к той схеме, которая может быть использована в анализе собственно «новых правых». Если мы спросим себя, почему люди вообще избирают какую-либо теорию, ассоциируют себя с какой-то интеллектуальной перспективой, примыкают к какому-то интеллектуальному движению, то сможем, скорее всего, выделить три группы факторов. Во-первых, всеми нами движет стремление к ясности, стремление получить более-менее четкую, непротиворечивую и однозначную картину того, что вокруг нас происходит. Во-вторых, всеми социальными группами движет стремление к политическому интеллектуальному доминированию, стремление спроецировать на другие группы такое определение реальности, в котором данная группа выглядит по возможности выигрышно. Классический марксистский вариант этого тезиса: для буржуазии чрезвычайно выгодно убеждать всех, что свободный рынок – это единственный механизм, который обеспечивает вознаграждение наиболее достойных, потому что сама буржуазия с помощью этой идеологической схемы легитимирует свои преимущества. И, наоборот, марксистская схема не дает возможности такой легитимации. Каждая группа, как мы можем предположить, стремится выбрать именно то определение реальности, которое наиболее выгодно для нее, и заставить всех остальных в эту реальность поверить. Понятно, что и те и другие являются силами, которые в определенный момент конкурируют друг с другом, потому что социологов больше всего интересовала гегемония и возможности символической власти.

Но если бы символическая власть была бы тем единственным, что заставляло людей принимать какую-то точку зрения, то не было бы никакой возможности убедить людей принять нашу точку зрения. Потому что символическая власть существует, она опирается на то, что у некоторых групп есть такой доступ к культурным ресурсам, который позволяет предложить движение, мировоззрение, которое одновременно дает им преимущество и является более ясным, чем другие группы на основании своих меньших культурных ресурсов смогли бы выработать сами. Гегемония основывается на стремлении к ясности не в меньшей степени, чем на возможности каким-то образом доминировать.

И, наконец, третий фактор, который становится решающим, когда мы говорим о самих интеллектуалах. Собственные карьерные перспективы интеллектуалов, возможности социальной мобильности для них связаны с тем, к какому

интеллектуальному движению они примкнут, с какой перспективой они себя ассоциируют. Главное, по чему мы классифицируем друг друга, как представителей социальных наук и шире – социальных производителей, это по тому, к какому социальному направлению мы принадлежим, сквозь какие «очки» мы смотрим на мир. Это главное, что определяет наше свойство. В каком-то смысле, ассоциация с научной перспективой – это наше главное богатство. Нам платят деньги за то, что мы умеем смотреть на социальную реальность с какой-то перспективы. Мы пользуемся уважением и почтением, потому что наш взгляд с какой-то выбранной точки зрения считается ценным и поскольку другие люди соглашаются считать, что наша точка зрения имеет преимущества по сравнению с их собственной. Поэтому иерархия перспектив (те, которые считаются более престижными, оцениваются выше; те, которые менее престижны, оцениваются ниже) – это такой огромный рынок, конъюнктура на котором иногда меняется очень быстро.

Марксизм-ленинизм, времена которого помнят все присутствующие, безусловно, был доминирующим политическим языком, а потом, буквально за несколько лет, сошел на нет. Молодые интеллектуалы, которые только оказываются в поле символического производства, участвуют в игре, которая немного похожа на игру на ипподроме. Они наблюдают, как соревнуются движения, и должны сделать ставки на какое-то одно из них. Ассоциируя себя с одним из них, они отдают ему свою энергию, свои силы, свое имя, тем самым закрывая себе доступ в другие движения. Сделав ставку правильно – скажем, на движение, которое начинает свое восхождение к вершинам культурной иерархии, мы гарантируем себе стабильное рабочее место, заработки и возможно даже бессмертие. А, сделав выбор неправильно, все это теряем.

Подумайте о тех, кто примкнул к маленькому кружку поклонников экстравагантного венского невролога в 1895 году. Чем раньше мы сделаем ставку, чем меньше сторонников у этого движения и при этом это движение выиграет, тем больше шансов у нас добиться всего в жизни. Мы можем поставить наверняка, на какое-то массовое движение, но скорей всего, мы не будем первыми, кто к нему примкнет, и за счет этого выиграем гораздо меньше. То есть, действительно, это похоже на ипподром.

Именно за счет того, что интеллектуалы зависят от принятия их продукции другими людьми, возникает это состояние, которое Манхейм называл свободным парением, а Бурдье относительной автономией поля социальных наук. Возможность для интеллектуалов вырабатывать знания, которые не ограничиваются их классовыми интересами, поскольку они заинтересованы в том, чтобы их представления были восприняты кем-то кроме их собственной группы. Это диктуется потребностью навязать другим выгодное для себя видение. Поскольку интеллектуалы могут разрабатывать точки зрения, не выгодные для их собственного класса, как делал, например, Маркс, постольку они относительно независимы от своих классовых позиций.

Попробуем посмотреть, как три эти возможные фактора могут быть использованы при объяснении распространения «новых правых». Во-первых, это потребность в ясности. Здесь «новые правые» почти всегда проигрывают своим оппонентам. Даже их горячие сторонники вряд ли скажут, что «новая правая» идеология может представить недвусмысленное четкое и ясное определение социальной реальности, которая существует. В сущности, все это определение сводится к тому, что сейчас у нас железный век, он очень плохой, потому что нет иерархии, а раньше был золотой век, который был хороший, потому что тогда была иерархия и традиция. Но ни что именно делать, ни как с этим поступать «новые правые» на основании своих классических текстов вряд ли могут заключить. Поэтому этот источник привлекательности явно играет не очень большую роль.

Но если они не могут определить внешнюю реальность, то они могут сделать очень много в определении внутренней реальности. Возможно, здесь лежит один из источников

их силы. «Новые правые» предлагают свое определение того, что является центральной психологической проблемой для большинства современных обществ: ощущение отчуждения и ощущение потери какого-то трансцендентного смысла существования, которое предположительно существовало в архаичном обществе. Люди в архаичном обществе - по крайней мере, мы сегодня в это верим - идентифицируют себя с каким-то местом в справедливом космическом порядке – ощущение, которое для нас сегодня потеряно. «Новая правая» доктрина в своем роде предлагает объяснение того, какое место в этом порядке мы занимаем, и, главное, дает ту интерпретацию внутреннего ощущения отчуждения, которое большинство современных людей испытывает.

В том, как оно его испытывает, «новые правые» противоположны, например, психоанализу. Любопытно то, что из всех направлений западной мысли Генон был наиболее яростен именно по поводу психоанализа. Психоанализ производит некую организованную тривиализацию внутренних переживаний. А «новые правые» возводят наши современные страдания в важную принципиальную политическую добродетель, как, впрочем, и новые левые. Для психоанализа страдания, чувство вины, которые вызывает у людей невозможность жить в соответствии с какими-то моральными законами, потому что нет этих ясных моральных законов – это результат детских травм. Скажем, действие комплекса кастрации. И когда клиенту преподносят такую интерпретацию, он учится смотреть на свои собственные переживания с улыбкой и, предположительно, становится свободнее.

Традиционалист действует в противоположном направлении. Он обвиняет не детские травмы, не пациента, а мир. Он не снижает пафос этих переживаний, а, наоборот, возвышает их, объявляет, что люди, которые чувствуют отчуждение, не способны найти себе место в современном мире. Они не могут найти себе места не потому, что они хуже других, не потому, что они травмированы и кастрированы, а потому что они лучше, потому что они принадлежат к высшей породе. Понятно, что это очень привлекательное объяснение, которое каждому хотелось бы получить по поводу всех наших психологических дискомфорта. Но одно это не может быть объяснением для «новых правых», потому что здесь у них есть очень много конкурентов. Очень похожее объяснение предлагает масса психотерапевтических школ, масса импортированных с Востока эзотерических направлений - от дзен-буддизма до Тантры.

Классическая социологическая теория такова, что мы можем извлечь ее противопоставления не только из Маркса, но и из Дюркгейма. И, безусловно, это новые левые, фрейдомарксисты, которые эту проблематику превратили в популярную, какой она сейчас и является. «Новые правые» имеют преимущество в глазах тех, кто изначально был склонен к некому эзотерическому мировосприятию. Среди них, действительно, Генон и Эвола пользуются большой популярностью, и это несколько снижает эффект, который могут произвести цифры по поводу их цитирования. Реально большее количество ссылок на Генона на страницах, где обсуждаются разные эзотерические вещи - типа открытия чакр и тантрического секса, и в которых речь совершенно не идет о политике. Люди, которые участвуют в таких дискуссиях и ссылаются на Генона, очень часто оговаривают, что они не имеют ничего общего с политической позицией Эволы. Они интересуются им как автором классических трактатов – о пути левой руки и других.

Второе объяснение сводит «новых правых» к тем политическим интересам, которые с помощью их теории могут быть спроецированы на другие группы. Опять-таки здесь есть, казалось бы, довольно очевидные объяснения. Новые правые объясняют, почему в обществе должны господствовать интеллектуалы. Любимая тема из индуистской теории – это то, чем отличается золотой век от серебряного, серебряный от последующего и так далее. В золотом веке господство принадлежит брахманам, потом к власти приходят воины кшатрии, потом – крестьяне и, наконец, шудра – торговцы. Современный мир – это мир, в котором шудра господствуют. Золотой век – это время, когда власть вернется к священникам, ученым, литераторам и всем остальным, с кем обычно себя

идентифицируют «новые правые». Понятно, что для людей, которые чувствуют себя внутренними брахманами, очень приятно предполагать, что когда-нибудь настанет и их день, но это объяснение не может быть единственным, потому что есть много теорий, которые предлагают те же самые основания для моральных расценок разных социальных групп.

«Новые левые» после того, как тезис о революционной роли пролетариата был заменен на тезис о революционной роли студенчества и интеллектуалов, в этом смысле говорят то же самое. В этом смысле они составляют «новым правым» конкуренцию. И если мы хотим объяснить, почему в России так популярны «новые правые», а не «новые левые», нам придется придумать что-то еще.

Я думаю, что наиболее важным фактором является третий - тот, который объясняет, почему ставки в российском контексте делались именно на это интеллектуальное движение.

Перед тем, как сказать несколько слов, я хотел бы заметить одну очень важную вещь, которая в принципе объясняет, почему так сложно объяснить популярность «новых правых» через содержание их теории. Существуют объяснения, что «новые правые» популярны потому, что они всю власть хотят отдать интеллектуалам, или потому, что они не любят Америку, или почему бы то ни было еще. Эти объяснения обычно предполагают, что теория содержания политической программы, которая выражается сторонниками какой-то теории, и содержание этой теории как политического языка, обязательно находятся в соответствии друг с другом. «Новые правые» показывают, что это не так, и мы можем найти очень много примеров того, что в России в данный момент это не так вообще. Политические языки, которыми пользуются разные политические движения, и программные цели и намерения этих движений почти никогда не находятся в однозначном соответствии.

Если мы вернемся к «новым правым», то увидим, что «новая правая» теория используется Дугиным для того, чтобы защищать Путина, а Штепой - для того, чтобы критиковать Путина. Штепа ссылается на Генона и хочет, чтобы Россия развалилась. Дугин ссылается на Генона и хочет, чтобы Евразийский регион был интегрирован. А, скажем, Аллен де Бенуа ссылается на Генона и хочет, чтобы Европа поставила железный занавес между собой и азиатскими влияниями, что, конечно же, противоречит и Дугину и Штепе. Дугин до 2000 года был противником неолиберального авторитаризма, а после 2000 года стал его сторонником. До 2000 года он проповедовал терроризм, а после 2000 года стал ненавидеть террористов.

Чем больше таких примеров мы собираем, тем больше мы видим, что «новые правые» – это своеобразная риторика, которая может быть использована в политических целях. В одних целях, возможно, ее проще использовать, чем в других, но использовать ее можно всегда.

Чему на самом деле противостоят «новые правые», это не либеральная политическая программа или какая-то политическая программа вообще, это либерально-политический язык, основными понятиями в котором являются права человека, модернизация и все те понятия, которые являются доминирующими для разных политических партий, политических движений в современной России. Иными словами, мы должны интерпретировать «новых правых», производя различия между двумя уровнями политических языков, которые конкурируют между собой, уровнями теорий, которые борются за доминирование, и уровнями программных целей, от имени которых выступает партия, политическая организация или индивид.

Все мы можем почувствовать разницу между двумя вещами, посмотрев на себя или своих знакомых в связи с политическим кризисом типа «оранжевой революции». Знаете ли вы хоть одного человека, который, слушая сообщения о событиях на Украине, реально бы задумывался над тем, на чьей стороне баррикад он или она находится? Все всё знали изначально: некоторые были за «оранжевых», некоторые были за «бело-синих». Такого,

который бы долго выбирал между двумя этими позициями, основываясь на рациональных аргументах, по-моему, не встречалось никогда. При этом те политические основания, которые они приводили, чтобы объяснить, почему люди встают на ту сторону баррикад, а не на другую, обычно были откровенно слабыми и неубедительными. Они использовались обеими сторонами так же, как использовались по поводу прав человека одновременно и теми, кто предлагал утюжить территорию Чечни из «Града» и наводить там конституционный порядок, и теми, кто утверждал, что делать надо прямо противоположное. В случае с Украиной, говоря о правах человека, обе стороны говорили о волеизъявлении украинского народа, никакого специфического политического языка для каждого из политических лагерей не было. Границы между сообществами, которые пользовались этим языком, и сообществами, которые преследовали одинаковые политические цели, как бы пересекались так, что были перпендикулярны друг другу.

Поэтому я предполагаю, что объяснение «новых правых» лежит вообще не в сфере политических убеждений и каких-то политических программ. Оно находится как раз в сфере чисто интеллектуальной конкуренции за превращение своего языка, своей теории, своей перспективы в безусловно доминирующую. Политические языки разных теорий постоянно соревнуются на этом рынке за то, чтобы установить наиболее выгодные котировки. В любой момент мы соблюдаем зримую иерархию, как, например, в современном политическом мире язык макроэкономики является доминирующим, говорить на нем можно и даже нужно. От политика требуют, чтобы он предоставил свою макроэкономическую программу. А язык астрологии или эзотерики – это, безусловно, доминируемый язык. Обращаться на нем к избирателям довольно рискованно, так можно, скорее, отпугнуть людей, чем привлечь.

То, что «новые правые» получили такую поддержку должно быть объяснено тем, что в каком-то социальном контексте стало казаться возможным легитимировать этот язык и превратить его в ту самую выигравшую ставку, «победившую лошадь», вскочив на которую быстро, можно сорвать весь банк.

Используя это объяснение, мы по-прежнему указываем на какие-то интересы, которые лежат за выбором политического языка. Но эти интересы касаются уже не класса в целом, они касаются гораздо более дробных групп, мелких групп интеллектуалов. Тут выявляется специфика людей, которых «новое правое» движение привлекало.

Если мы посмотрим на портрет автора «нового правого» издания, то получим очень ясную, почти однообразную картину. Люди, которые писали в «Волшебную гору», в «Арктогею», в «Иначе» или на любой из «новых правых» сайтов, были похожи как близнецы. Все они были относительно молодыми, почти все они были столичными интеллектуалами, они получили гуманитарное образование, в основном журналистское, философское или филологическое на одном из нескольких факультетов: философский факультет МГУ, журналистский факультет МГУ, Литературный институт имени Горького, был кто-то из ВГИКа. Все они, помимо такого типичного гуманитарного профиля, были активно вовлечены в то, что можно назвать богемной жизнью. Они писали песни, они выпускали свои диски, они организовывали концерты, они содержали галереи, то есть они были включены в миры культурного производства, а не в академические структуры. Среди них не было ни одного социолога, политолога, психолога, экономиста, ни одного человека с естественнонаучным образованием или техническим. Был один историк – Багдасаров, но он историк фольклора. Не было ни одного лингвиста, который бы специализировался на переводах, а не на лингвистике. Чем может объясняться такой необычный профиль? Здесь, я думаю, мы и находим прямое соответствие между «новой правой» теорией и положением этой группы, но это сходство скорее касается формы «новой правой» теории, чем какого-то конкретного ее содержания.

«Новые правые» полагают, что мир должен быть постигаем, прежде всего, эстетически, что восприятие поэтов, священников и мистиков имеет преимущество перед восприятием ученых. Одно из центральных направлений собственных текстов – это

критика всех социальных наук, любых форм социального детерминизма, экономики – прежде всего. Они полагают, что истину об обществе нужно искать не в изучении общества, а обращаясь к себе, к собственной эстетической интуиции в первую очередь. Грубо говоря, это теория, которая ставит социальное мировоззрение художников и поэтов на порядок выше социального мировоззрения ученых. Она предполагает, что художникам открыты те истины об обществе, которые экономистам никогда не дано постичь. Главное для правильного определения целей – это, прежде всего, научиться смотреть на общество в эстетической, символической перспективе, а не в тех перспективах, которые все время доминируют. Претензии, которые скрыты в этом послании, – это претензии на перераспределение символической власти, но не между какими-то классами (как интеллектуалы и буржуазия, или какие-то большие глобальные группы), а, прежде всего – внутри самих интеллектуалов. «Новые правые» – это почти в чистом виде борьба богемы за то, чтобы лишить претензии ученых на относительную монополию на производство легитимного политического языка, которой они в настоящее время пользуются. Только этим я могу объяснить тот факт, что они были настолько непривлекательны для социологов, то есть для наших с вами коллег, что ни один из них не примкнул к подобному движению.

Это, безусловно, не все, потому что группа, которая заинтересована в перераспределении символической власти, существовала всегда, а «новые правые» возникли недавно, и, если я прав, они через некоторое время исчезнут.

То, что они в этом месте и в этот момент достигли такого развития, может быть объяснено с указанием на само понятие легитимации. Я использовал понятие легитимации в отношении политических или теоретических языков, говоря, что они все выстраиваются в иерархию – есть более легитимные языки, которым приписывается больше авторитета, есть менее легитимные. Понятно, что легитимация обязательно осуществляется в чьих-то глазах. Мы можем выделить разные формы легитимации, в зависимости от того, кто осуществляет это признание. Виктор Карродил предлагает выделять три формы легитимации: институциональная – легитимация институтами символического производства (университеты, институты и так далее), дисциплинарная – легитимация внутри научных дисциплин, и массовая – легитимация народной поддержки (легитимация, в которую верят массы). Как правило, они идут рука об руку. Мы интуитивно предполагаем, что какое-нибудь открытие по поводу общества должно делаться учеными, апробироваться внутри научных коллективов. Потом те, кто это открытие сделал, должны получить вознаграждение от университетов, в которых оно сделано. Потом эта теория может – или даже должна – распространиться в массы. Практически возможны все виды вариантов. Люди, которые достигли очень высокого уровня дисциплинарного признания, могут не получать никакого институционального, и наоборот, люди, которые получают степени в университетах, могут не пользоваться никаким престижем среди своих коллег. Это очевидно в России, но классический пример можно взять из Франции: Фуко до последних лет своей жизни не получал позиции профессора, хотя он был одним из самых цитируемых интеллектуалов в мире. При этом люди защищают диссертации на факультетах лингвистики и философии по темам, которые уже десятилетиями не котировались. В некоторых условиях массовая легитимация, восприятие широкими массами какой-то теории как истинной, лучшей, может быть произведена, даже несмотря на то, что институты культурного производства и внутринаучных дисциплин в теории безусловно отвергаются.

Это российский случай. Если мы посмотрим на «новых правых», то, хотя они всегда утверждали, что они, прежде всего, философы, их признание внутри философских факультетов или философских дисциплин было ничтожным или не было никаким. Почти никто из них не смог защитить диссертацию, которая была бы напрямую связана с их доктриной. Дугин стал доктором, но он защитил диссертацию в ведомственном провинциальном институте. Он получил докторскую степень от Ростовского института

МВД, если мне не изменяет память. Но, читая эту диссертацию, я потерял остатки уважения к его эрудиции. Их статьи по этой теме не публиковались ведущими изданиями, их классические тексты не вошли в учебные курсы. Короче говоря, они были, по большому счету, отвергнуты профессиональным сообществом. Но при этом масса людей за пределами академических институтов предполагали, что это и есть настоящая современная философия, ее последнее слово. То, что такое стало возможным – это специфическая черта, которая характеризует Россию сегодня. Мы видим, например, что Дугин старается быть философом, а сами философы его философом не признают.

Мы можем найти массу других примеров. Например, академик Фоменко, который то же самое проделал с историей, хотя ни один историк, как мне известно, профессионально не влился в его исследовательскую группу. Академик многими воспринимается как последнее слово в исторической науке, и его книжки вышли большими тиражами, чем книжки любого профессионального историка. То, что такая стратегия массовой легитимации вообще возможна, это очень любопытное явление. Я бы сказал, что единственная причина, которую я могу придумать, – это общий кризис легитимности научных институтов, который, прежде всего, вызван расколом внутри них. Если меня спросят, в чем я вижу причины этого кризиса легитимности, я с удовольствием на это отвечу.

Но сейчас, быстро приближаясь к концу, я хотел бы сказать, что в условиях кризиса возникает новая ситуация, когда каждой группе, каждому индивиду приходится полагаться не на какие-то устоявшиеся авторитеты, не на то, что обладающие компетентностью институты за них решат, какая теория должна находиться вверху иерархии, а на свое собственное суждение, на свои собственные стереотипы относительно того, как выглядит эволюционная научная теория и как выглядит ее последнее слово. Безусловно, талант Дугина связан с тем, что он с блеском сыграл роль революционера и вождя обреченного на успех движения. Он позиционировал своих «новых правых интеллектуалов» как последнее слово, как пост-постмодернизм, и в глазах очень многих людей преуспел в этом. Он эксплуатировал все, что мы предпочитаем видеть в победоносной теории: ее иностранное происхождение, ее предполагаемое признание за рубежом, интернациональность своих публикаций, респектабельность своих текстов, в смысле изобилия в них ссылок, академического языка. Короче говоря, многие тексты Дугина можно читать как пособие о том, как можно сойти за интеллектуала, не обладая для этого никакими исходными ресурсами. Более того, он обещал научить этому других.

Мишель Ламон, и это последнее, что я скажу сегодня, утверждал, что одна из причин популярности Дерриды в Америке была связана с тем, что любой прочитавший его студент-второкурсник-литературовед, мог смело критиковать логоцентризм западной философии, не читав при этом ни одного классического текста по философии. Дугин печатал книжки, которые позволяли всем их читателям выносить свое веское авторитетное суждение о философии, геополитике, эзотерике, истории и многом другом, не прочитав ни одного соответствующего текста. То, что он предложил так много за такую дешевую цену, безусловно, очень располагало к тому, чтобы многие хотели читать его книжки, хотя и не верили, что то, что в них написано – правда. Тем не менее, мне кажется, что в целом «новые правые» находятся не в самом лучшем положении и, проделав тот цикл, который они проделали в Западной Европе – десятилетие подъема, а затем быстрый спад – они проделают его через некоторое время в России. С удовольствием отвечу на вопрос, почему. Спасибо.

Дмитрий Травин: Почему?

Михаил Соколов: Мне кажется, что новые правые проигрывают в трех вещах. Во-первых, эта схема с массовой легитимацией, без дисциплинарной и институциональной,

чревата тем, что новые поколения просто не могут найти себе никаких стабильных позиций для трудоустройства. Главное, что на самом деле дает научная дисциплинарная легитимация – это надежда на стабильный старт, на какое-то положение, на академическую карьеру. Движение, которое совсем не признано в университетах, испытывает большие сложности с тем, чтобы пристроить своих новых сторонников. Его лидеры могут жить за счет гонораров от выступлений на публике и тому подобных вещей, но для того, чтобы движение развивалось, ему нужна своя небольшая армия, а чтобы кормить эту армию, нужны как раз те самые институциональные позиции.

Единственная область, в которой «новые правые» добились чего-то стабильного – это, прежде всего, разные формы издательского бизнеса. Легче всего встретить какие-то «новые правые» излияния, если взять с полки книжного магазина популярную книжку по истории и прочитать предисловие к ней. С большой вероятностью вы там прочтаете про тамплиеров, которые были продолжателями атлантических ритуалов и наоборот или что-нибудь в этом роде. Но этого мало для того, чтобы стабильно поддерживать много людей. Поэтому то, что стандартный цикл длится десятилетие, связано с тем, что движение возникало, его первые члены чего-то добивались, в него вливалось много молодых людей, которые рассчитывали, что за счет этого они смогут получить постоянное трудоустройство. А потом оказывалось, что университеты для них плотно закрыты и им приходится искать новую квалификацию.

Вторая проблема связана с самим Дугиным: хотя это не очень заметно, сейчас он практически исчерпал те модели работы, которые движение могло предоставить. Для того, чтобы привлечь новых людей, движение должно дать им возможность делать что-то самим, дать им шансы выбиться вперед и, возможно, превзойти своих учителей. Психоанализ, который я упоминал, был таким значительным, потому что за Фрейдом пришли его ученики, которые опровергли Фрейда, которые работали для того, чтобы забраться на его плечи, и так далее. В результате, выросло много школ.

Внутри «новой правой» теории есть очень немного вещей, которые можно делать. Можно переводить западную классику, типа Генона, но она почти вся переведена. Можно добавить в этот синтез какую-то новую жертву либерального канона, но и тут Дугин очень много всего сделал. Можно пытаться соединить эту «новую правую» риторику с новой политической программой, но здесь Дугин, Штепа и все остальные тоже закрыли почти все возможности. Если вы примкнете сейчас к новому правому движению, от чего Боже вас сохрани, вы никогда не выбьетесь в его первые ряды.

В связи с этим, если верить Бурдые, потенциал движения измеряется, прежде всего, качеством участников. Главное, чем характеризуется успешное революционное движение, – это тем, что к нему примыкают дети элиты, которые получили образование в лучших университетах, у лучших учителей, потом ищут себя и находят что-то действительно новое, что-то действительно революционное. «Южинская» богема, в общем, соответствует этому профилю. А те «новые правые», которые приходят сейчас, уже откровенно ему не соответствуют. Качество поддержки за последнее десятилетие существенно понизилось, потому что для молодых и амбициозных там мало чего осталось делать.

И наконец. Если Дугин начинал с того, что позиционировал себя как радикального интеллектуала, который осуществляет переоценку всех ценностей, а сейчас его радикализм сводится к радикальной поддержке Путина, то он немного испортил репутацию всего движения, для которого был лицом и основным спикером. По большому счету, с тех пор, как Дугин стал уважаемым интеллектуалом, он эксплуатировал только одну часть своей изначальной теории на публике – евразийство. Но даже с евразийством он, очевидно, за последние годы проигрывает. Он пытался установить свою монополию на использование этого самого штампа, в результате ее не установил, потому что появилось много людей, которые читают Гумилева и считают себя непосредственно его учениками, вне зависимости от Дугина. А Дугин как бы остается несколько в стороне.

Хотя он был, безусловно, талантлив на какой-то стадии развития движения, но здесь он, по-моему, уже проигрывает.

Лев Савулькин (Леонтьевский центр):

У меня два вопроса. Первый, который Вы сами задали, насчет легитимации. Второй вопрос: что есть позитивного в этом движении? Леонтьев? Данилевский? Есть ли какие-то позитивы?

Михаил Соколов: Сначала отвечу на второй вопрос. Новые правые везде очень эклектичны, поскольку центральный импульс, который лежит за этим движением – это попытка создать такой синтетический антилиберальный язык. Они почти всех собирали под одним зонтиком, начиная с Алена де Бенуа в 60-е годы, всех тех, из кого они могли извлечь альтернативу либерализму, всех тех, кто остался за бортом стандартных курсов по социальной теории философии, потому что они были антилиберальными – жертвы современной гегемонии. Традиционализм – это основной ингредиент в их салате, но никогда не единственный. Для Дугина это очевидно, потому что он – самый эклектичный даже по меркам мировой «новой правой». Он соединял все и, безусловно, там были и Леонтьев, и фашисты, и Гумилев, и теория цивилизаций, хотя с ней у него были постоянные сложности. Там была германская органическая политэкономия 19 века. То есть, там было все. Насколько я могу судить, он не очень сильно использовал консервативную русскую философию 19 века, потому что на нее были другие претенденты, уже собственно академические, эти претенденты были значительно сильнее. Кстати, из тех молодых людей, которые частично себя идентифицируют с «новыми правыми» и хотят добиться чего-то в академическом мире, - они почти все защищали диссертации или работали по темам, связанным с философией вроде Розанова или Леонтьева. По Леонтьеву защитил диссертацию Аверьянов. Питался ли ими Дугин, когда интеллектуально взрастал? Нет. Он гораздо больше опирался на западный теоретический ресурс. А вот официальные теории, которые были приняты фашистским режимом, тут сыграли гораздо большую роль.

Дугин стал интересен для Головина и Мамлеева, потому что его папа – генерал КГБ (не помню точно) или какой-то большой там начальник. И когда надо было куда-то пристроить непутового сына, вылетевшего из института, он пристроил его в архив КГБ, где находились материалы института Анненербе. И Дугин сделал себе имя на том, что переводил все эти вещи, до которых никто другой из эзотериков тогда не мог дотянуться. В частности, он, как я понимаю, первым переводил Германа Вирта, который был директором Анненербе. Это, конечно, сыграло свою роль. Но после 2000, когда он понял, что радикального пути нет, он старается все это прятать. Ссылки на Вирта в последних книжках почти исчезли. На Хаусхоффера – нет, а на Вирта исчезли. Тем не менее, здесь, конечно, есть большие прямые заимствования.

Относительно первого вопроса, я думаю, что было много причин такого кризиса легитимности для социальных наук. Главное – это дезинтеграция, которая внутри них произошла. После того, как железный занавес был поднят, возникло то, что стало, наверное, самым важным фактором для развития всех этих наук в последнее десятилетие. Начался массовый импорт культурной продукции, научных интеллектуальных теорий, который очень сильно переменял положение для всех этих научных дисциплин. Кто-то быстро приспособился к этой ситуации - прежде всего те, кто свободно владел исходными иностранными языками и мог как-то влиться в эту международную коммуникацию. За счет этого они встраивались в международную дискуссию и извлекали из нее все, что только можно было извлечь: деньги, гранты, статус. И были те, кто не мог так легко влиться по разным причинам - например, они были связаны обязательствами с какими-то институтами. Эти разные люди почти во всех научных дисциплинах создали две сравнительно автономные науки.

Это очень хорошо видно на примере социологии, который я исследовал. Потому что есть социология университетов, где читают Данилевского и которые вынуждены обороняться от западного импорта, и там большинству людей с этим импортом не освоиться. А есть те, кто свободно приспособились к импорту, но им не удается захватить всех студентов в оппозицию университету, потому что есть люди, которые держатся за положение в них. Эта конкуренция между фракциями в науках привела к тому, что у нас внутри самих научных дисциплин, внутри самих научных институтов нет никаких единых иерархий легитимности языков. На факультете социологии СПбГУ (извините за то, что привожу такие персональные примеры) очень высоко ценится знание Данилевского, а Норберта Элиаса – значительно меньше. В Европейском университете вам очень поможет Норберт Элиас, а Данилевский там не пригодится. В одном месте вам нужно быть доктором наук, чтобы стать профессором, а в других - PhD, а вот от доктора наук вам будет мало толку. Это разные научные миры со своими иерархиями. Я думаю, что они в большой степени приложили руку к тому, что сама вера в то, что научное сообщество может выработать какие-то стандартные оценки, разрушилась, потому что очевидно, что оно их не вырабатывает. Есть социологи из НИИКСИ, которые работают над разработкой православной социологии и выступают от имени социологии, есть социологи из других мест, которые тоже выступают от имени социологии. И для зрителя, который слышит, что доктор социологических наук может нести любую чушь, звание доктора социологических наук несколько теряет свое обаяние. То, что все люди имеют возможность сейчас видеть очень зримо, сыграло, конечно, свою роль. Мне кажется, что именно этот процесс был самым важным, но, наверное, не он один.

Борис Винер (СИ РАН): Если можно, про этих «друзей» и постмодернизм. Если посмотреть на какие-нибудь работы Джонатана Тернера и Рейнолда Коллинза (у меня книжка 88 года), то видно, что в гуманитарных науках, и большей степени социальных, идет борьба за язык - если использовать язык Бурдьё, за символическое доминирование. Почему, в таком случае, нельзя рассматривать все это движение просто как ответвление модернизма, которое появилось благодаря всем этим причинам, и так же успешно, как постмодернизм, скоро «загнется»?

Михаил Соколов: Я не задавал себе этого вопроса и с удовольствием задам. Я не думаю, что это можно считать каким-то ответвлением постмодернизма, потому что оно возникло немножко раньше. Надо сказать, что все «новые правые» тексты очень компилятивны, они преимущественно состоят из источников, которые относятся к первой половине 20 века. Традиционализм, консервативная революция, Юнгер и Молер и все остальное, что там есть, было и раньше. Я бы не сказал, что в распространении «новой правой» теории в России постмодернизм сыграл большую роль. И «новые левые» сыграли большую роль, поскольку они предоставили организационную модель. «Новые левые» интегрировались в академический мир. Они добились того, что создали как бы собственное представление о правильной научной теории, но при этом добились равного статуса. Есть геновая теория, которая стоит немного особняком от остальной социологии, которая другая, но равная - как мультикультурализм. А постмодерн в каком-то смысле легитимировал это положение вещей.

Дугин, безусловно, пользовался идеей парадигм, как и все остальные, утверждая, что есть наша теория со всеми своими предпосылками, которую с либеральных позиций критиковать нельзя, потому что любая доктрина опирается на какие-то исходные предпосылки и выбор между этими предпосылками нельзя осуществить на рациональной основе, потому что сама рациональность присуща внутренней доктрине.

То, что эта схема стала здравым смыслом в современной России, очень сильно помогло «новым правым». Но «новая правая» философия не выросла из этой схемы, безусловно. Она в своих истоках внутренне совершенно универалистская вещь. Будучи

последовательным постмодернистом, вы должны отказаться от любых финальных суждений о том, что правильно, а что неправильно, и от того, что нужно делать, а что не нужно делать, и сводить все к деконструированию чужих дискурсивных конструкций. Это как раз то, чего Дугин не готов делать. Он и с чужими-то конструкциями не особенно справляется, а уж с тем, чтобы этим ограничиться, ни у кого из «новых правых» никогда не было хорошо. Они ссылались на постмодерн, когда нужно было объявить, что западная цивилизация основывается не на универсальных нормах, а на каких-то культурно-специфичных вещах, которые еще завязаны на дисциплинарной цивилизации, и так далее и тому подобное. Это никогда не было центральным местом, то есть я бы никогда не считал их последователями постмодерна.

Андрей Алексеев (СИ РАН):

По существу мы имеем два списка «новых правых»: российские и западные. По поводу российских я хотел бы спросить, кто из них называет себя «новым правым»? Или этот термин навешан на них некими оппонентами, аналитиками и так далее. Это термин, выросший изнутри или нет?

Михаил Соколов: Если очень коротко, то это термин, за который Дугин как раз долго боролся. Это термин, выросший изнутри.

Михаил Илле (Санкт-Петербургская ассоциация социологов):

У меня осталось ощущение какой-то противоречивости. С одной стороны Вы говорите о популярности «новых правых» в России, а с другой – в Вашем докладе прозвучало, что речь идет о десятке человек, которых можно считать интеллектуалами этого направления и нескольких сотнях, в лучшем случае - нескольких тысячах человек, которые их читают. Где же тут популярность, где же тут массовая легитимация? Как можно говорить о легитимации вообще каких-либо эзотерических теорий? Вы говорите, что, скорее всего, объяснением является иерархия перспектив: все другие перспективы закрыты, а движение в этом направлении кажется молодым интеллектуалам наиболее перспективным. И тут же Вы показываете, что никаких перспектив нет – ни в дисциплинарной, ни в институциональной сферах. Мне кажется, тут есть противоречие.

Второй вопрос. Как сейчас, в настоящее время связана собственно идеологическая мировоззренческая теоретическая позиция «новых правых» и практика современных российских националистических движений?

Михаил Соколов: По первому вопросу я бы сказал, что да, речь идет о десятках пишущих людей и о тысячах читающих, но, по российским меркам, это много. Сколько Вы знаете либеральных публицистов, которые бы действовали с такой же энергией, как Дугин?

Михаил Илле: Их гораздо больше. Иерархия перспектив такова, что либеральная теория обросла уже какой-то традицией в России. При этом, с точки зрения иерархии перспектив, мы имеем гораздо больше перспектив, чем закрытые теории. Я имею в виду чисто практические перспективы: фонды, гранты, командировки, поездки и тому подобное.

Михаил Соколов: Я бы сказал, что мы действительно можем говорить об их успехе в публичной сфере, имея в виду, что сама по себе публичная сфера маленькая, количество людей, которые вообще читают такие книжки, имеют собственный взгляд и хотят эти книжки приобрести, ограничено. Может быть, это десятки тысяч, не думаю, что намного больше. Да, с либеральной стороны чисто количественно мы имеем преимущество, но это преимущество не настолько подавляюще, насколько оно будет подавляюще в любом

западном обществе. То есть, то, что я хотел сказать: об успехе и популярности можно говорить только относительно других европейских стран. У нас Вы можете увидеть Дугина едва ли не в любом ток-шоу, но Алена де Бенуа сейчас никто никогда не пригласит ни на один центральный французский канал.

Михаил Илле: Это потому что Дугин стал путинистом.

Михаил Соколов: Гейдар Джемаль – не путинист, а его мы тоже часто видим. Да, мы можем говорить только об относительной популярности, но эта относительная популярность значительно выше, чем где бы то ни было, и это, по-моему, требовало объяснений.

По поводу успеха. Действительно, мы видим, что люди примыкают, потому что они думают, что это движение придет к успеху. На самом деле оно не придет к успеху, но они-то этого не видят. Раймон Будо написал книжку про анализ идеологии, на которую я не сослался, а надо было. Откуда мы знаем, что какая-то теория о природе Вселенной правильная? Обычно мы слушаем экспертов. Предположим теперь, что физики настолько перессорились между собой, что никаких экспертов для нас не осталось. Нам приходится выбирать из различных теорий, опираясь на какие-то свои собственные критерии, на какие-то стереотипы о том, как вообще выглядит правильная теория. Очень может быть, что опираясь на эти теории, исходящие из этих стереотипов, мы все знаем, что великую теорию физики выдумывает одинокий маргинал-гений, который работает в патентном бюро. И если нам предложит какую-то теорию человек, подпадающий под описание одинокого маргинала, мы поверим в нее с довольно большим шансом. На самом деле, история физики выглядит немного по-другому. Но мы-то этого не знаем, потому что мы не историки физики. Точно такая же ситуация с этими самыми «новыми правыми», которые успешно позиционировали себя так, что они вполне резонировали с этими идеями об успешной теории, которые существуют в массовой культуре. Если бы они читали Рейнолда Коллинза и прочую социологию интеллектуалов, они, вероятно, могли бы оценить точнее шансы движения на успех. Но они этого не читали, в то время как те, кто читал, имеют, возможно, какие-то преимущества. Хотя через десять лет окажется, что Рейнолд Коллинз был не прав, а они правы.

По второму вопросу. Дугин очень активно пытался делать что-нибудь. То, что вошло в теорию «новых правых» – это какие-то переводы, какие-то вещи, которые он транслировал с Запада. И те, кто сейчас это использует, дистанцируются от самого Дугина. На таких традиционных правых, как РНЕ, он не оказал практически никакого влияния. Он оказал влияние на более-менее интеллектуальных публицистов, которые ориентированы на сотрудничество со скинхедами, прежде всего, Ванюшкина... Широпаев и те, с кем Широпаев связан, благодаря Дугину и остальным его единомышленникам прочитали Эволу. Теперь у них есть такой фашистский авторитет, на который при случае можно сослаться для того, чтобы придать более-менее презентабельный вид своим собственным построениям. Не на самого Дугина. Тут есть принципиальные интеллектуальные расхождения, потому что та версия радикального национализма, которая получает сейчас распространение, очень плохо себя чувствует вместе с дугинским евразийством. Поскольку тот национализм, который сейчас у нас растет, прежде всего, расистский в своих исходных предпосылках, а идея Евразии как общего пространства очень плохо вяжется с чистотой расы. Поэтому, для таких расистов Дугин и евразийство – это едва ли не главное зло. Естественно, это не способствует его популярности. То есть я бы сказал, что связь со временем становится слабее, и она никогда не была особенно сильной.

Лев Савулькин: А с политической элитой как у них?

Соколов: С тех пор как Дугин немного ослабил свои усилия в том направлении, чтобы казаться модным и последним словом в теории, он стал интенсивно изображать

плотную связь с политической элитой. То, что известно, известно благодаря ему самому и является сильно преувеличенным. Он постоянно намекает на то, что чуть ли не еженедельно консультирует Путина, что он ходит на Старую площадь как на работу, что его постоянно слушают в Генштабе, что он там совершенно незаменим, что он вхож во все комитеты Госдумы. Реально оценить довольно сложно, но, по-моему, это влияние никогда не было особенно большим. Те, кто использовал с политической стороны все его книжки, использовал их как такую гору фактов, из которой можно вытянуть что-то наиболее подходящее, и это подходящее использовать в собственных целях. Например, в какой-то момент Генеральный штаб выдвинул теорию про теллургократию Евразии и талассократию моря для того, чтобы объяснить, для чего нам нужно наращивать свой ядерный потенциал. Они, конечно же, ничего не извлекли про Золотой век, Шудр и тому подобное. Зюганов в свое время был обязан Дугину какими-то соображениями про германскую политэкономия фон Листа 19 века, но, опять же Зюганов взял то, что ему было нужно, а на Дугина даже не сослался. Если есть какое-то влияние, оно, скорее, этого рода. Они используют его иногда как источник цитат, которыми можно при случае блеснуть, а он вынужден подстраивать свои собственные новые книжки под те взгляды, которые эта самая элита в данный момент имеет. Ему приходится объяснять, что бороться с международным терроризмом все-таки надо и даже надо с Соединенными Штатами сотрудничать. В общем, он говорит такие вещи, которые его довольно сильно компрометируют в рядах бывших сотрудников. В отношениях с элитой элита использует Дугина гораздо сильнее, чем он ее.

Дмитрий Травин: Я хотел спросить то же самое, что и Лева. И еще - Сурков начал искать нечто, называемое национальной идеей. Казалось бы, он как-то должен здесь соприкоснуться с Дугиным – такая более-менее разработанная теория. С Вашей точки зрения, что мешает улучшению контактов в этом плане?

Второй вопрос. Я не совсем понял, почему все-таки Вадим Штепа относится к «новым правым», кроме того, что он возводит что-то к Генону. Я не знал, что будет о нем речь, я бы просто Штепу сюда пригласил, мы бы его спросили.

Соколов: Потому что он сам относит себя к «новым правым», а возведение себя к Генону – это основной критерий, на основании которого принадлежность к этому интеллектуальному племени осуществляется - общее интеллектуальное происхождение. Дугин, безусловно, не признает его «новым правым», но это скорее характеризует Дугина. А «Волшебная Гора», несмотря на разницу в позициях, с удовольствием его публикует, он на сайтах у них периодически появляется. Что его самого привлекает в Геноне, я, честно говоря, не могу сказать, было бы очень интересно спросить об этом его лично.

По первому вопросу. Могу привести несколько соображений. Во-первых, Дугин очень сильно напирает на Евразию. Вряд ли национальной идеей может стать союз с Китаем и Индией, а для Дугина это такое «родимое пятно», от которого он не может избавиться. А евразийская идея скорее размывает эти национальные границы и в качестве национальной годится довольно плохо. Во-вторых, Дугин, по меркам современной элиты типа Суркова, слишком экстравагантен, от него не знаешь, чего ждать. Он может написать такую книжку, и призвать к чему-то такому, чего сама элита совсем не хочет. Например, вдруг окажется, что Дугин вовсе не отказался от идей радикального коммунизма, к которому он призывал пять лет тому назад, а просто держит это при себе. А потом, в качестве главного идеолога, вдруг заявит про черный передел или террористическую борьбу. На месте Суркова, я бы не особенно полагался на лояльность Дугина.

В-третьих, мне кажется, что для самого режима слишком сильно зависеть от людей, которые пользуются некоторой популярностью среди, допустим, богемной интеллигенции, но не пользуются совсем никакой академической дисциплинарной, все-таки рискованно. А для массы молодых сотрудников офисов, которые делают свою

«воротничковую» работу и хотят приобщиться к последнему слову, это нормально. Но администрация – это более основательная организация, которая при случае хотела бы объявить, что политическая линия согласована с ведущими политологами, а не с эзотериками, которые еще десять лет назад собирались совершать оккультные действия с целью устранения первого лица государства. Возможно, в этом смысле Сурков более разборчив. В случае с ним выбор какой-то одной четкой политической линии не несет за собой ничего хорошего, в то время как неопределенность может иметь очень много выгод. Это, примерно, как для Путина назначить наследника.

Андрей Столяров (писатель):

«Галактион» - они тоже себя позиционируют как «новые правые»: Генон, Эвола, Евразийство. Вы о них что-нибудь знаете? Там пятьдесят человек, они очень активны.

Соколов: Только в связи с фантастикой. В самом движении, которое я исследую, они не играли особой роли, поэтому никогда не были интересны. Я знаю, что они существуют, но не могу как-то комментировать.

Николай Корнев (СИ РАН): В Вашем докладе неоднократно звучало слово «эклектичность», а с другой стороны, очень модное сейчас направление развития общественных наук – междисциплинарность, междисциплинарный подход. Нет ли смыкания этих двух понятий, и не приходит ли через междисциплинарность, широкую междисциплинарность, без границ, что-то подобное «новым правым»?

Соколов: Мне кажется, междисциплинарность – это в большой степени лозунг, на самом деле, ее не получается. То есть, я не знаю, какой ответ на этот вопрос будет правильным, потому что самого явления пока не существует. Мы все говорим о междисциплинарности, но практически попытка ее как-то реализовать в учебных программах ни к какому успеху обычно не приводит.

Реплика из зала: Синергетика...

Соколов: Синергетика мне кажется несколько более чистой в своих истоках, если я правильно понимаю... Можно ли считать это междисциплинарностью?.. Если иметь в виду под междисциплинарностью экспорт каких-то подходов и теорий из одной научной дисциплины в другую, то это интересная тема. Например, биологические теории, которые вводились в социологию, очень часто оказывались социал-дарвинистскими или разными версиями расизма, и за ними есть такой ореол, который делает многих социологов подозрительными по их поводу. Но предположить, что это их обязательное свойство и что в них самих есть тенденция к такого рода вещам – я бы сказал, что я ее никогда не замечал. Я не нахожу ничего подозрительного в междисциплинарности как таковой в политическом смысле.

Феликс Якубсон: Вначале Вы называли два имени – Дугина и Джемаль. Не могли бы Вы коротко рассказать о том, какие позиции занимает второй персонаж и в отношении политической элиты и в отношении каких-то идей на стыке общественных движений, политики и так далее, в связи с его ортодоксальной происламской ориентацией и в каких-то других аспектах.

Соколов: Надо сказать, что Джемаль находится на периферии этого самого «нового правого» движения и идентификация для него как для «нового правого» вторична, потому что вряд ли он может быть последовательным «новым правым». Главная причина, почему Дугину сложно очень многое синтезировать в своей теории, потому что для Генона

центральным является положение о том, что все традиции растут из одного корня, они разные, их надо содержать в чистоте, но при этом они равноценны. Понятно, что любая версия религиозного фундаментализма будет с этим не согласна. И Дугин старался каким-то образом это ретушировать, чтобы наладить контакты с православной церковью, но православная церковь никогда не была с ним согласна.

Для Джемала характерна двойная идентификация. С одной стороны, он - мистик-гностик, который в своих ранних работах писал, что целью существования является исчезновение сознания, и для него, как лидера исламистского движения был постоянный внутренний конфликт. Как я понимаю, последние 15 лет он предпочитал, скорее, амплуа исламиста. Поэтому он был на некоторой дистанции от всей остальной сети. Джемаль пользуется в этой среде огромным авторитетом, за исключением, возможно, Головина - его авторитет самый высокий. Ему Дугин прощал то, что тот отдавал свои статьи, например, в «Волшебную Гору», потому что все остальные должны были выбирать, печататься ли у Дугина в «Арктогее» или в «Волшебной Горе». А Джемалу и Головину он простил такого рода всеядность. Поэтому Джемаль довольно часто поносит Дугина, а Дугин это терпит (невероятное смирение для него).

Те политические связи, которые у него были, они были как раз с разными исламскими группами. Поскольку я начинал все это с исследования русского национализма, я знаю об этом гораздо меньше, то есть, я довольно мало могу об этом рассказать. Мне кажется, что в последние годы они частично были разорваны, потому что Джемаль почувствовал, что он превращается в популярную фигуру, он может преподавать в Новом Университете, а если он по-прежнему будет заявлять о своей поддержке чеченского сепаратизма, то у него могут возникнуть с этим очень серьезные осложнения. То есть, мне кажется, что, выбирая между популярным публичным интеллектуалом, который изображает оппозиционность и действительным радикалом-экстремистом, он явно выбрал первое.

Владимир Костюшев («Стратегия»): Спасибо за рассказ, который, как мне показалось, больше похож на некую сказочную историю о мумми-троллях, которые живут в собственном мире, но, тем не менее, некоторые из них иногда выхватывают друг у друга горячие пышки. У меня вопрос простой. Вы используете слово «интеллектуал». Что Вы под этим понимаете и насколько оправдано применение этого термина по отношению к этой группе эзотерической практики. Любого ли человека, пишущего эзотерические истории, мы имеем право называть интеллектуалом?

Соколов: В слове «интеллектуал» заложено два смысла: один оценочный, довольно близкий к русской интеллигенции. Для современной социальной науки почти неизбежен левый интеллектуал – тот, который думает и готов сопротивляться доминирующему порядку. В этом смысле, наверное, есть повод для каких-то сомнений. Но я использовал этот термин в своем докладе как чисто функциональное определение типа Липсета: интеллектуалы – это те, кто производит, воспроизводит, распространяет культуру и способствует ее потреблению. В этом смысле, например, Колесов определил этих людей как размышляющих об абстрактных вещах. Да, они размышляют об абстрактных вещах, и в этом смысле они, безусловно, интеллектуалы.

Костюшев: Тогда дополнительный вопрос. А влияют ли они своими текстами, нацистикой, политикой на формирование повестки дня для академической «кухни», для актуальной политики?

Соколов: Мне кажется, что однозначно – нет.

Мария Мацкевич (СИ РАН): Вы говорили, что, когда необходимо сформировать суждение в той области, в которой публика не разбирается, она слушает экспертов. Вы сами приводили пример академика Фоменко, насчет которого все эксперты едины в своем [негативном] мнении, тем не менее он пользуется бешеной популярностью. Возможна ли в будущем перспектива развития того, что находит отклик в массовой публике, несмотря на любое мнение экспертов?

В связи с этим – здесь уже звучало то, что есть сторонники Дугина среди государственных чиновников: Черкесов, Якунин и все прочие, и есть масса ведомственных учебных заведений, где есть возможность распространять свои воззрения вне всякой связи с академической традицией, университетским признанием и всем прочим. Не кажется ли Вам возможным такой путь развития этой теории? Тогда оцените перспективы ее влияния на, может быть, очень ограниченный круг людей, но, вполне возможно, в перспективе очень влиятельных.

Соколов: Я имел в виду, что состояние, когда массовая легитимация возможна без дисциплинарной, - это состояние очень тяжелого кризиса дисциплинарной системы. Я сказал бы, что можно надеяться, что со временем этот кризис будет в ту или иную сторону разрешен, и мы вернемся к тому состоянию, когда мнение экспертов будет играть большую роль, чем оно играет сейчас. В этом смысле я думаю, что возможностей для таких стратегий со временем станет меньше. Другое дело, что исторически они, скорее, повышаются и в XX веке социальные науки потеряли значительную часть своего авторитета. Если в начале XX века большую часть идеологий, кроме крайне консервативных, нужно было оправдывать ссылками на Герберта Спенсера и Карла Маркса или кого-то еще, то сейчас такие ссылки не являются обязательными. Со временем, я думаю, этот процесс вряд ли прекратится, и академик Фоменко в качестве «фолк хистори» найдет свое место на книжных полках, может быть, не такое, какое он находит сейчас. Могут ли они каким-то образом создать свой собственный анклав и не допустить туда более традиционных оппонентов – из более традиционной академической системы? Пока, я думаю, это возможно только в очень закрытых ведомственных учреждениях, которые, как минимум, не входят в ведение Министерства образования. Не знаю, входит ли туда Академия Генштаба, но думаю, что нет.

Мацкевич: Конечно, нет, равно как и Университет МВД и КГБшные учебные заведения.

Соколов: Ну, тогда они могут найти там какое-то место для себя. Но, поскольку все профессионалы ненавидят дилетантов и поскольку в каком-то смысле советские философы все до единого были профессионалами высокого уровня, я думаю, что их неприязнь к Дугину неизбежна, вечна, и пути в такие учебные заведения он себе не найдет. Я не находил сведений, что в каком-то институте он становился бы частью учебного плана.

Крстюшев: Недавно в Интернете я наткнулся на «идеи России» и понял, что все это перекликается. ...монархия [нрзб]

Соколов: Честно говоря, мне надо на нее посмотреть.

Дугин утверждал, что у него хорошие связи в Генштабе, причем это было еще тогда, когда он был сопредседателем НБП. Насколько большое у него там влияние, не могу сказать. Одна из причин, почему ему не очень хочется, чтобы его воспринимали в связи с такими заведениями, это явно подорвало бы его реноме в других местах. Философ, взгляды которого в основном популярны среди курсантов Высшей школы милиции, даже Университета МВД, выглядит не так убедительно для представителей тех социальных

групп, которые покупают и читают его книжки. Может быть, он сам не проявлял очень большого энтузиазма по этому поводу.

Повлиял ли он на Генштаб? Сложно сказать, потому что, опять же, было очень много желающих. Идею про то, что в России желательна монархия, и про реставрацию монархических основ, озвучивает огромное количество людей, и Дугин об этом говорит не так убедительно, потому что сама Россия для него – это, скорее, неправильное политическое образование. Правильное – это Евразия, правильное – это со всеми остальными, правильное – это империя, а не монархия. Поэтому в данной книжке есть влияние какого-то другого источника, благо желающих масса.

Мария Белоусова (СИ РАН): Есть ли какой-нибудь вопрос, который хотели бы ему задать лично Вы?

Соколов: На предложение пообщаться Дугин дважды не ответил ничем. Возможно, ему не очень хочется отвечать на вопросы. То есть, смысл есть, но это тот человек, у которого довольно сложно брать интервью. В плане контроля за ходом беседы, он сказал бы то, что хотел. Нужно подготовить очень хорошее интервью, чтобы разговорить его на какое-то интересное биографическое повествование. Я бы не поверил в свои силы в этом плане. Что бы я спросил у него, предполагая, что он честно ответит? Очень хороший вопрос... Если бы его подключили к детектору лжи... если бы я мог спрашивать его обо всем, о чем хочу, я бы поинтересовался его отношениями с Сурковым. [*смех в зале*] Детектор лжи.. Но это голубая мечта. Думаю, у многих

Андрей Заостровцев (Леонтьевский центр): Я бы выделил три момента. Когда-то мне пришлось писать статью о диктатурах в газету «Дело». Понадобилась доктрина фашизма. Я нашел в Интернете переводы той самой Ванюшкиной. В принципе, это движение мне кажется маргинальным, хотя тут говорили об эклектизме по отношению к корпоративизму, идеологии царей Византии, но это, по-моему, какой-то осколок империи, который может в какие-то эпохи возрождаться, в какие-то - исчезать и так далее.

Второй момент. Причина популярности. У нас в России достаточно посмотреть на опросы Левады, особенно по программе «Советский простой человек», чтобы понять, что любая антилиберальная теория если не обречена на популярность, то, по крайней мере, имеет определенную известность. Эту тему я развивать не буду, понятно, что элиты выбирают между разными государственных направлениями. Они сами по себе эклектичны в идеологическом плане.

Третий момент - наиболее, на мой взгляд, интересный с точки зрения академического сообщества, поскольку среди экономистов тоже появляются свои Дугины. Ведь Дугин тоже может писать по чисто экономическим проблемам, мне пришлось с этим встречаться, по одному гранту работая над националистическими экономическими современными теориями. Что происходит в экономическом сообществе? Оно настолько интеллектуально бедно, за исключением направления, которое родилось в 90-е годы (Европейский Университет, экономический факультет) – его исследовать бесполезно, оно могло быть и в Чехии, и в Новой Зеландии – оно интернационально. А в целом экономисты были оторваны от мировой экономической мысли куда глубже, чем социологи. Барьеры огромны. У социологов не было своего Маркса и Ленина, а у экономистов классики были.

Экономисты оказались сегодня перед страшным барьером в виде математики. Быть экономистом и не быть математиком – это на Западе не быть экономистом. Естественно, что не только старшее поколение экономистов, но и молодое, которым лет по 25-30, но они учились у старшего, снова оказываются в этой зависимости.

Куда податься тем, кто не удовлетворяется административной рентой, собиранием взяток, чем ФИНЭК занимается – это для обывателя, а тем, которые хотят иметь какую-то

славу? Они часто выступают в роли популяризаторов того же Дугина. Еще у нас есть Паршев («Почему Россия не Америка?») – бывший офицер погранвойск. Не помню, кто написал «Крепость «Россия»»... Какой-то биолог по образованию [реплика из зала - Юдин] И так далее...

Наши экономисты гораздо более бесправны. Дугин - хороший публицист, а они не могут и этого, и тогда они начинают выступать в роли популяризаторов. Если вы возьмете «Российский экономический журнал», то увидите статьи со ссылками если не на Дугина, то на Паршева. Я уж не говорю о том, что они прямо отождествляют себя с Немецкой исторической школой. В принципе, в этой оболочке они стараются втянуть в себя и что-то популярное. Поэтому, как я это называю, национальные экономические идеи России (хотя это, в общем-то, модифицированные идеи Немецкой исторической школы) втягивают в себя новых государственников. Такой процесс происходит в этом секторе.

Лев Савулькин: Я недавно прошел по книжным ларькам, в том числе был и в Доме Книги и заметил, что Дугин пользуется невероятной популярностью. Его книги раскупаются очень легко. Последнее время очень популярны его книги по культуре: воспоминания о жизни с Курехиным и так далее. Так что это очень популярный автор. То есть, его с интересом читают тысячи человек.

Дмитрий Травин: К своему стыду я, по образованию, идеологический работник. У нас даже в дипломе написано что-то насчет политэкономии. В связи с этим я всю жизнь об идеологиях подумываю, меня готовили для этого. Когда я прочел Дугина, а начинал я его читать, как научную альтернативу, я стал с ним полемизировать. Но вскоре я понял, что это не имеет никакого смысла. Потом я с интересом для себя стал обнаруживать, что такой профессионально выстроенной идеологии я никогда не встречал. На самом деле, в марксизме не было такой хорошо выстроенной идеологии, в связи с чем потом понадобился знаменитый «Краткий курс истории ВКП(б)». Марксистская идеология развивалась как-то по-другому, по другим причинам. Понятно, что прочесть «Капитал» совершенно невозможно, да это и немного даст для восприятия идеологии как таковой. Не знаю, как у итальянских фашистов, может быть у них хорошо написано, но что я обнаружил у Дугина: читая его, я мысленно перекидываю себя лет на 25 назад, когда я был совсем молодым. Я получаю ответ на один вопрос, который меня, молодого и неопытного, должен был бы заинтересовать, затем – на второй, на третий, на пятый, на десятый. С одной стороны – это эклектичность, если смотреть на это как на научное произведение, а с другой стороны, я вижу, что если голова не занята какими-то серьезными научными теориями, то я очень быстро, с минимальными трудозатратами могу получить для себя максимум полезности в плане обретения взглядов на различные сферы жизни. Более того, читая «Геополитику», я отыскиваю нужную страницу (например, «оранжевая» революция, кризис на Украине) и смотрю, что есть по этому поводу и как надо строить отношения. Или, к примеру, Иран. Я отыскиваю нужную страницу и вижу: эта страна по объективным геополитическим причинам находится в таком балансе сил, а Турция – в сязком балансе сил. Я получаю полную информацию о ситуации - такая энциклопедия молодого человека.

Я еще в 1993 году участвовал в первом съезде «Выбора России». За всем этим движением превращения из одной партии в другую я следил. Если бы я был молодым человеком либерального мировоззрения, я нигде не мог бы получить такой комплексный всесторонний ответ. У либералов есть такая экономическая школа. Но ни один из австрийцев, включая Хайека, не ответит, в чем смысл жизни. А, читая Дугина, я не говорю, что получаю прямой ответ на этот вопрос, но какой-то подход к этому я получаю. На самом деле, Хайек, очень мной уважаемый и любимый, невероятно зануден. В какой-то момент я понимаю, что мне там ничего читать уже не надо, я все уже знаю, а он все продолжает и продолжает. А у Дугина я только начинаю чувствовать, что все уже знаю,

он переходит к следующей проблеме. Он мне все про Украину объяснил – переходит к Ирану, от Ирана – к Китаю. Мне не скучно, я понимаю, что вся мировая культура передо мной проходит.

Я чувствую, почему Дугин должен быть популярен. На него должен быть спрос. И, в моем понимании, он еще не достаточно популярен по сравнению с тем, каким он мог бы быть, если бы вписался в какую-то политическую силу, способную как-то его продвигать. Его поиск различных политических контактов был очень логичен в его положении. Конечно, если он смог бы занять позицию идеолога какой-то серьезной политической силы. О Дугине все знали бы гораздо больше и сталкивались бы с ним гораздо чаще, чем сегодня. Мне все-таки непонятно до конца, почему Кремль его не использует. Ты сказал абсолютно верно, все параметры верны. И все-таки то, что я прочел у него в «Геополитике», интересно. А все нынешние попытки создания национальной идеи, с которыми я сталкивался, когда выделяется какой-то грант и собравшиеся ребята за полгода левой ногой что-то быстро пишут, конечно, все это совершенно не выдерживает сравнения с его концепцией. Что по-настоящему Дугина всю жизнь волновало? Было бы интересно задать ему этот вопрос. Представляю, что он мог бы ответить. Действительно, выходцы из такой богемно-артистической среды, конечно, научного мышления не имеют вообще, но у него есть артистически, чертовски изящно построенная идеология. Я думаю, что когда он все это писал, он мог получать эстетическое удовлетворение от того, как он подгонял кирпичик к кирпичику и создавал продукт, который можно читать как Библию, и который отвечает на все вопросы.

Андрей Столяров: По-моему, популярность Дугина объясняется тем, что это единственно реальная оппозиция либерализму, интеллектуальная оппозиция. И какой-то иной я сейчас не вижу. Дугин просто занимает пустое место, не занятое никем. Как в свое время уехал Солженицын, и место великого писателя занял Распутин, а он, конечно же, значительно ниже. Преимущество Дугина перед теоретиками либерализма, конечно, очевидно: либерализм не трансцендентен, он экономичен, он предлагает механизмы, но не выстраивает вертикаль, а Дугин эту вертикаль выстраивает. Эта вертикаль пока еще не технологизирована, она пока еще не отработана, она не социализирована ни в каких институтах. Христианство отошло, коммунизм отошел, либерализм в принципе этого не имеет. Вот Дугин это и предлагает. Можно ли технологизировать дугинскую вертикаль, я не знаю. Я таких механизмов пока не вижу, но ничего другого у нас нет.

Владимир Костышев: Хочу выразить свою благодарность. Я действительно очень много узнал. Для меня это было важно, потому что вокруг всего этого существует масса мифов и каких-то непонятностей. А Вы очень понятно и скрупулезно показали всю эту «кухню». Поначалу я немного испугался, я подумал, что Вы сами уже примкнули к «новым правам», но под конец Вы все это развенчали.

Мы с Вами и раньше беседовали на эти темы. Мне кажется, что есть еще два дополнительных фактора, которые могут объяснить относительный успех, относительную популярность среди большой группы интеллигенции этого идеологического течения, не концептуального, а именно идеологического. Первый фактор. Чтобы понять успех какой-либо идеологии, очень полезно отойти от самой идеологии, от содержания текста. Очень часто успех конкретного идеологического учения объясняется социальными сетями людей, которые существуют вокруг этой идеологии. Предположим, на картинке - десять человек, вокруг каждого – еще десять. В результате набирается сотня. А на самом деле вокруг этих – еще какие-то почитатели и читатели. Вот и появляется некая социальная сеть, которая показывает реальную картину. Мне кажется, это очень важно. Ну и плюс – фигура самого лидера или группы лидеров, которые публичны, им удалось попасть на экраны, их книжки читают. Я не хочу употреблять слово «харизма». Просто интересный человек, хороший публицист, его интереснее слушать, чем какого-нибудь зануду-

телеведущего - «говорящую голову». Эти два фактора находятся за пределами идеологии, и не важно содержание, тем более, что оно эклектично, и профессионалу это понятно.

Второй фактор. Эклектичность этой идеологии – дополнительный фактор успеха. Я впервые об этом задумался, когда был первый успех Жириновского на выборах – третье место. Для всех, даже для обывателя, была очевидна полная, чудовищная, сшитая гнилыми нитками из различных частей эклектичность. Уже тогда у меня возникло предположение, что успех таких эклектичных идеологий, в отличие от чистых идеологий (либерализма, например), объясняется эклектичностью нашего сознания. Просто сейчас, в это переходное время так устроена голова, что эклектичность массового сознания принимает эклектическую идеологию как родную, а «чистая» идеология отторгается, потому что к этому массовое сознание не готово. И, хотя я говорю о Жириновском, я думаю, что все это относится и к тому, о чем Вы говорили.

Феликс Якубсон: Я хотел бы привлечь Ваше внимание к этому явлению, потому что, по мнению социологов, оно сейчас имеет большой шанс на успех в России. Единственное, что мешает Кремлю всерьез его популяризировать, это фигура самого Дугина и только. Я думаю, что осталось только с ним разобраться, как с персоналием. Я согласен с Андреем Столяровым в том, что сегодня это, действительно, очень мощная альтернатива либерализму по очень многим параметрам. Я думаю, что по мелочи в качестве мотивации для реализации интеллектуалы приводили успешность этой стратегии во многих местах. Это не обязательно так. Самореализация какого-то яркого лидера может происходить иначе. Ему не обязательно самому устраиваться, да он и не в состоянии устраиваться. Через него «дуют», а он выплескивает все свое, потому что он не может не выплескивать. Это больше, чем любые разумные стратегии в рамках какого-то логического сознания.

И точно так же, не только массовое сознание - любое сознание - больше, чем любая попытка ввести его в какую-то рациональную схему. Оно не только эклектично, любое сознание мифологично. Дугин предложил миф, в данном случае очень адекватный, и истории России, и сегодняшнему ее положению. Он, как я понимаю, весьма «перпендикулярен» тому, что исповедуют здесь присутствующие, но от этого он не становится менее серьезным и менее влиятельным на то, что происходит сегодня в России.

Андрей Столяров: Я совершенно не согласен с тем, что успеху этого дела мешает фигура Дугина. Это технологическая помеха. Его можно убить, возвести в ранг святого и использовать его интеллект. Это самая простая технология. Другое дело, что вообще его метафизику сейчас никак не перевести в социальный формат. Мы можем ее видеть либо в либеральном формате (но тогда она перестает быть традиционалистской), либо в формате тоталитарного государства. Вот два формата. Один из них не приемлет традиционализм, второй – скомпрометирован. Если не будет предложено третьего формата, который соответствует этой метафизике, то идею «сольют». Работать нужно над такой социальной технологией: можно ли эту метафизику каким-то образом институционализировать? А этим никто не занимается. Это самое слабое место.

Ольга Старовойтова: Сколько я Вас слушаю и читаю, мне, конечно, не все известно, что Вы написали, но это всегда касалось НБП, правых и так далее. Мне очень хочется понять, почему? Это действительно, как для исследователя, наиболее плодородный «кусочек огорода», может быть, там гумус особый, или тут что-то другое? Я искренне хочу это понять и надеюсь, что здесь нет ничего секретного.

Михаил Соколов: Спасибо большое. Сначала я отвечу на последний вопрос. В этом нет ничего секретного, есть нечто неприличное. Есть интеллектуалы, в чьи паруса что-то дует, и их несет. В этом смысле мой интерес к правым... Это не единственное, чем я занимался в своей жизни. Я надеюсь, что это не то, чем я буду заниматься ее остаток. Но посмотрите, сколько человек собралось послушать про правых интеллектуалов! Это основная причина. Это как раз то самое движение. Не движение как таковое, а такая социологическая дисциплина, которая имеет успех за счет того, что она интересна. Я был тот самый интеллектуал, который «ставил на лошадь». То есть, надо признать, что мой большой интерес к Дугину и «новым правым» имел меркантильный источник. В отличие от большинства присутствующих, я всегда тяжело страдал, читая его книжки. В этом не то чтобы не было совсем ничего интересного. В этом было что-то, что казалось мне важным, и, я уверен, что наиболее общие принципы, которые руководят интеллектуальным развитием как таковым, могут быть прослежены на любой субстанции, в любом случае. В данном случае меня скорее интересовали интеллектуалы вообще, как возникают школы, как они создаются, отчего они развиваются и исчезают, чем меня интересовала именно эта конкретная.

Надо признать, что меня всегда изумляло, до какой степени мне не интересен лично Дугин и то, что он пишет, но, может быть, от этого было и легче, потому что, когда читаешь что-то очень интересное тебе самому, то перестаешь обращать внимание на многие формальные вещи, которые иначе бросаются в глаза. После того, как я покончил с этим разоблачением, мне было очень интересно узнать, что он пользуется таким успехом у экономистов. В списке научных трудов и автореферате Дугина были ссылки только на какие-то экономические журналы, какой-то альманах (возможно, «Хозяйство и общество» - что-то очень похожее на это). Все его труды вышли исключительно там, там их считают научными. Это меня сильно удивило, но теперь я знаю, почему, я знаю, как много интересного о Дугине мне известно. Надо будет изучить еще и эту границу, то есть то, как именно происходит его соотношение с экономическим сообществом. Сам о себе он никогда не писал как об экономисте. Он писал обо всем, включая экономику и ядерную физику, но, когда ему нужно было себя идентифицировать, он всегда писал о себе как о философе, метафизике, идеологе, геополитике, но никогда как об экономисте. При этом интересно, что экономисты к нему были более благосклонны, чем он к экономике.

По поводу отношения «новой правой» и Дугина, в частности, к либеральной идеологии, как единственной альтернативе. Честно говоря, вынужден с этим не согласиться, поскольку, как мне кажется, есть очень много других вещей, которые в данный момент более успешны. Возьмем православных фундаменталистов, которые производят тексты такого рода. Их больше, они сильнее, они лучше организованы, они выигрывают значительно больше. Если нам нужны теории, которые в принципе объяснили бы людям, как они могли бы жить, то мы могли бы взять «новых левых». Они тоже отличаются от либералов и, по-моему, могут предложить какую-то альтернативу. Судя по тому, что я вижу сейчас, они ее предложат.

Некоторое время назад, во время недавней сессии, для меня было большим удивлением узнать, что читают студенты факультета социологии, когда их просят почитать книгу на тему моральных оснований современного общества по их собственному выбору. Из тех людей, которые выбирали книгу более или менее самостоятельно, и чувствовалось, что им это интересно, было выбрано три Хабермаса, два Маркузе – в общем, такая классическая «новая левая» литература.

Дмитрий Травин: Это специфика Вашего факультета... Влияние Билифельда [Университет Билифельда (Германия) – ред.]

Соколов: Они читали это на русском... Если говорить о марксистском влиянии... Что мешало им читать Лумана? А они читали Хабермаса, которого в Билифельде очень

сильно не любят. То есть это влияние чего-то другого. Тот факт, что «новые левые» не появятся в качестве какой-то альтернативы неолиберализму, мне кажется, по меньшей мере, недоказанным. То есть, я не думаю, что Дугин – это на самом деле единственное, что противостоит либерализму. Если бы он был единственным, то положение либерализма было бы более безоблачным на настоящий момент. Я согласен с тем, что эти теории надо было упомянуть и эксплуатировать ту вещь, которая является основной слабостью и основной силой любой либеральной идеологии. Либеральная идеология не объясняет людям, как надо жить. Она определяет правила дорожного движения, которые объясняют людям, как надо двигаться из пункта А в пункт Б, чтобы хоть кто-нибудь когда-нибудь добрался, но она не говорит, куда им надо двигаться по этим дорогам. Это, безусловно, ее сила и, одновременно для людей, которые хотели бы, чтобы им была дана более или менее ясная картина мира, которая бы объясняла, зачем жить, - это ее слабость. Либерализм в этом смысле всегда будет проигрывать тем идеологиям, которые включают и такой компонент.

Дугин, конечно, эксплуатировал эту тему, но он не был единственным. Наверное, это личное отношение, но мне не кажется, что его успех можно объяснить его талантом и тем, что в нем горит огонь божий или какой-то другой, и из-за этого он возвышается на голову над всеми своими соперниками-конкурентами. Мне кажется, что большинство выступавших оценивает его значительно выше, чем оцениваю его я, потому что мне он кажется куда менее оригинальным. Прочитав много его текстов, я затрудняюсь сказать, что Дугин сам придумал. Единственное, что он сам придумал, это идея про ордена Морана и Мурсия – это некий детектив в стиле Дэна Брауна. Но, как я понимаю, про это свое политическое фэнтези он в последнее время старается не вспоминать. Все остальное было, определенно, откуда-то позаимствовано.

Травин: Одна реплика. Я когда-то писал статью про Калашникова, и узнал очень важную для себя вещь. Человек, изобретающий автомат, не должен ничего конкретно изобрести, потому что автомат – это исключительно компоновка деталей. Все детали были уже изобретены, но Калашников сделал такую компоновку, что этот автомат стал наиболее удароустойчивым и применимым в слаборазвитых странах. В этом смысле Дугин сделал «автомат Калашникова» из десятка различных теорий.

Соколов: С этой точки зрения, это, наверное, правда. Может быть, мне слишком лезло в глаза, то, как много, непоследовательно и нетворчески он это заимствовал. В каком-то смысле, Дугин, действительно, человек, который создал энциклопедию русской жизни, какой ему действительно хотелось бы ее видеть. В этом смысле его непосредственные конкуренты – это не идеологи-теоретики либерализма или чего-нибудь еще, а люди типа Стогова и Веллера, которые тоже писали такие длинные циклы книжечек про все, про все, про все. Надо признать, что это было частью той стратегии, которая дала ему так много. Видимость того, что он дал своим читателям, - разом обрести смысл жизни, приобщиться к кругу избранных, которые знают, что будет за постмодернизмом и так далее.

Является ли его эклектизм отражением чего-то, что существует в общественном сознании? Я, честно говоря, не могу сказать. Может быть то, что казалось мне такой несобранностью, для многих читателей выглядит как преимущество, а я просто не способен этого понять со своим линейным одномерным мышлением. Легко с этим соглашусь. Это вполне правдоподобная гипотеза.

Относительно влияния на Кремль и того, что Кремль готов принять эти взгляды и их распространить. Это зависит от того, как мы понимаем Кремль. А это гораздо более сложный вопрос по сравнению с тем, как мы можем понимать Дугина, поскольку Кремль все больше безмолвен. Мне кажется, что в дугинской теории есть очень много вещей, которые вряд ли приемлемы в качестве идеологического оформления для нынешнего

режима. В конечном счете, Дугин в своей борьбе за то, чтобы отформатировать сознание элиты, давно проиграл. Да, он писал о евразийстве, многие произносят слово «евразийство», но при этом не имеется в виду то, что имел в виду он. Да, он писал про консервативную революцию, и слово «консервативная революция» стало довольно популярным, но под этим понимается не возвращение к «золотому веку», а преимущественно авторитарная модернизация – не вполне точный синоним с точки зрения исходного текста.

Если посмотреть на то, что на самом деле отражается в текстах, который элита производит, то Дугин со своей геополитической доктриной, по-моему, явно проиграл теории цивилизации Хантингтона. Потому что идея того, что мы должны объединиться с Китаем и вместе противостоять Соединенным Штатам, не вяжется с довольно сильным страхом перед Китаем, который существует, судя по массовым опросам, и среди простых людей и среди людей, которые принимают решения. Мне кажется, что та идея мира, которая в конечном счете возобладала – это идея многополюсного мира. Дугин же хотел все свести к новой биполярности. Это, по-моему, не получилось, так как то видение мировой политики, которое существует, – гораздо более многополюсное, связано с конкуренцией между несколькими центрами: в чем-то вместе с Европой против Китая и исламского мира – с удовольствием, в чем-то с исламским миром против Европы. То есть существует идея баланса, которая у Дугина отсутствует напрочь. Она как общий здравый смысл современного массового сознания.

То же касается полной неспособности Дугина интегрировать в этот свой синтез реалистическую теорию о политике, которая в последние десятилетия тоже стала очень популярна: идея мировой политики и конкуренции национальных государств. У Дугина этого нет, потому что он слишком идеологичен, он хочет поделить все на хорошее и плохое, там нет идеи о том, что каждый по-своему прав, и мир – это борьба всех со всеми, которая тоже распространена. Я не говорю уже о том, что одобрение Дугиным тоталитаризма и тому подобных вещей (массовая мобилизация, его старые заигрывания с социализмом и прочее) довольно плохо вяжется с тем, что современная элита вряд ли хотела бы все поделить и отдать в общий котел и согласилась бы вернуться к сталинским временам, когда она бы периодически обновлялась за счет расстрела предшественников. Мне кажется, что Дугин для людей типа Суркова (это обобщенный образ из президентской администрации) добавляет хороший ингредиент, он – что-то такое, что можно приложить к собственной риторике, и они периодически это делают. Но в том, что кто-нибудь из них захотел бы серьезно жить в мире, который построит Дугин, я сомневаюсь. Я очень сильно сомневаюсь в том, что даже большинство интеллектуалов, которые его читают, хотели бы жить в мире, который построит Дугин. «Новые правые» в России – это как раз тот случай, когда изучают не ради их политической актуальности и не ради их собственного обаяния (как часто изучают вещи, к которым хотелось бы примкнуть, но не можешь себе этого позволить по другим). Их изучают просто потому, что это такой маленький случай, по отношению к которому относительно легко держаться отстраненно и натуралистично.